

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Проект «Финансовая грамотность с детства»

Серия

«Волшебные приключения в мире финансов»

Книга вторая

«ЦЕНА ВОЛШЕБСТВА»

Глава 1

Ледяной ветер плетью хлестнул по стеклу, взревел и с яростью обрушился на каменные стены. Но дом не застонал и не вздрогнул. Столетия эти камни выдерживали порывы северных ветров, стекла витражей были такими толстыми, что их не прорезали стрелы морозных узоров. Дом огненными глазами горящих окон смотрел в декабрьскую ночь. Пусть каменных оленей у ворот покрывает иней, искрится алмазной пылью на коронах рогов. Пусть пурга вихрями вьется у входной двери, лижет белыми языками медную табличку с фамилией «Санта Клаус». Внутри тепло. Горит камин, слышны музыка, смех и голоса.

В волшебной сказке, которую помним с детства, мы вошли бы в комнату и увидели бы Клауса. Благородного старика с белоснежной бородой, облаченного в свои знаменитые одежды... Хотя немного странно сидеть у себя дома в тулупе и зимней шапке, не находите? Он сидел бы в кресле, посмотрел бы на нас своими мудрыми добрыми глазами, пророкотал бы свое знаменитое «хо-хо-хо». А вокруг порхали бы крохотные эльфики с хрустальными крылышками и пели бы рождественские гимны...

К счастью, в жизни все совсем иначе. Клаус действительно сидел в кресле, но на этом сходство с его легендарным, ныне покойным отцом заканчивалось. Отороченный мехом тулуп валялся на диване в соседней комнате вместе с так называемым жировым костюмом. Такой носят актеры и сыщики, если им необходимо свое молодое, стройное тело сделать значительно менее молодым и стройным. Скоро домашние эльфы брауни уберут его в сундук на целый год, бережно переложив мешочками с сушеной лавандой. Вместе с шапкой и накладной бородой. Так что одет был Клаус в парчовый халат поверх рубашки и брюк.

Модная в этом сезоне стрижка придавала его молодому лицу мальчишескую дерзость. А он и был молодым, 356 для мужчины из рода Клаусов то же самое, что для обычного человека 20.

Великая рождественская ночь кончается, в миллионах домов погасли свечи, под елками дожидаются утра разноцветные коробки с подарками. Все порядочные люди давно спят... А в доме Клаусов вечеринка в самом разгаре. Гоблин Генри в расстегнутом сюртуке слегка пригубил бокал и продолжил:

- ... и тогда гоблин говорит этой гномочке: «Милая, покупайте этот эликсир, не сомневайтесь. Он и мертвого поднимет!» А она ему: «Скажите, а он может поднять то, что еще как бы не умерло?» А он тогда...

Конец анекдота потонул в громком хохоте. Возможно, и к лучшему.

- А давайте теперь в фанты играть? - захлопала в ладоши миссис Клаус.

Клаус с улыбкой взглянул на жену. Сегодня на ней было голубое платье из нежного шелка, украшенное узором, напоминавшим морозные стрелы. Оно подчеркивало изящную, женственную фигурку Молли и так шло к ее глазам цвета бирюзы. Свои золотистые волосы, обычно свободно стекавшие по спине и перехваченные тонкими косичками, она сегодня убрала в сложную прическу и украсила искрящимися сапфировыми заколками.

- Так, все даем по маленькой личной вещи. Складываем вот сюда.

- О нет, только не фанты! – застонал Клаус. – Я не готов. Тогда надо было пить не чай. И почему опять именно в мою шапку?!

- Ну это же Рождество, милый. Твоя шапка – это символично. Отдай запонку.

Молли танцующим шагом уже обошла часть гостей и теперь приблизилась к Клаусу. Он взглянул в шапку. На дне уже лежали маленькие золотые очки. Это, конечно, Ричарда. Клаус взглянул на угольно-черного ворона, расхаживавшего взад и вперед по камину с самым важным видом. Верный и мудрый советник, служивший еще отцу Клауса, он был уже не молод, и зрение начинало его подводить. С очками соседствовала странного вида механическая ручка. Принадлежит, без сомнения, Генри. Клаус от души понадеялся, что она не «интеллектуальная». Скверная нынче пошла мода – простые и удобные вещи наделять искусственным разумом, делавшим эти вещи непростыми и неудобными. Под ручкой зловеще белел острый кабаньих клык, оправленный в серебро. Сержа Гордона. Взята, безусловно, без ведома хозяина. Подозрения Клауса подтвердил могучий храп, донесшийся от камина. Там, в большом кресле черной кожи, развалился здоровенный лесной тролль. Он безмятежно спал, уютно положив под щеку пятый том энциклопедии «Особо опасные разновидности упырей и кровососущих вурдалаков», позаимствованный с книжной полки. Гордон трудился, не покладая рук последние несколько дней. Ему были нипочем ни сильные морозы, ни погрузка северных елей для праздника, ни бессонные ночи. Но бокал мандаринового ликера сразил его наповал, ведь всем известно, что лесные тролли, в отличие от своих горных и подземных собратьев, очень плохо переносят алкоголь.

- Нет, - покачал головой Клаус, - не хочу. Мне в прошлый раз не понравилось.

- Да ладно вам, босс! Давайте запонку. А то силой отберем.

Из-за плеча Молли вылетела и затанцевала в воздухе маленькая фея. Еще блестящие черные волосы были заплетены в смешные хвостики, будто рожки, юбку на алом платье она успела порвать, когда резала пирог с цыпленком, а рождественский жезл, который она

мастерила накануне, растерял миниатюрные бусины и бумажные пуансетии. И стал тем, чем был – двузубой десертной вилкой. Все это, а еще разбойничья ухмылка на очаровательном личике придавали ей сходство с маленьким дьяволенком.

- Не дам. Люси, даже не пытайся, – Клаус для верности спрятал руки за спину. – Кошмарная игра. Особенно, когда Ричард становится «зеркалом». И придумывает задания.

- Это почему же?! – оскорбился ворон. – В прошлый раз я блистательно выполнил свою миссию и доставил всем присутствующим удовольствие своими остроумными и полезными заданиями.

- Ага, – буркнул Клаус. – Меня он посуду мыть заставил! После ВСЕХ гостей. И без помощи брауни.

- Подумаешь, посуда, – Молли поежилась. – Мне пришлось вслух прочитать 20 страниц из книги, которая называлась «Бюджетный кодекс королевства Амизерунт». Кроме названия нашего королевства я ничего не поняла.

- Ты читала, а мы слушали! – Генри сурово посмотрел на Ричарда. – А мне, ты, пернатый садист и палач, устроил экзамен на знание Налогового кодекса. И когда я один раз (!!!) ошибся, ты, зануда, читал нам лекцию целый час. Чтоб меня лурги взяли.

- Люси будет «зеркалом», - вынесла свой вердикт Молли и успокаивающе погладила мужа по голове.

Клаус хотел возразить, но она игриво взглянула ему в глаза, низко наклонилась и зашептала что-то на ухо. Что-то, от чего его глаза заблестели, а на бледных щеках проступил румянец. И он совершенно не почувствовал, что его рукав оказался в маленьких, цепких ручках.

- Есть! – победно выкрикнула Люси, взыв в воздух и продемонстрировав похищенную запонку. – Ну все, шеф, вы в игре.

- Это нечестно! – возмутился Клаус, увидев свой расстегнутый рукав и хихикающих Молли и Люси. – Вы сговорились. И вообще, Люси. Я твой начальник, а ты мой секретарь.

- Только не сегодня, - пожала острыми плечиками фея. – Сегодня выходной и корпоративная вечеринка.

- Ну все, мужик, - ухмыльнулся тролль, встал с кресла и потянулся так, что затрещали кости. - Если жена с секретаршей заодно – ты попал.

- Итак, первый фант!

Гордая своей победой над начальником, фея сделала сальто в воздухе и едва не подпалила крыло о свечу в настольном канделябре. Молли поставила перед ней шапку с фантами, Люси закрыла глаза ладошками и певучим голосом объявила:

- Тот, кто слева от меня...

Но, как не дремлют силы зла во тьме, в Генри никогда не засыпал юрист. О чем он очень скоро пожалеет.

- Э, нет, Люси. Не пойдет. Ты отлично помнишь, кто слева, а кто справа. Ну-ка, покрутись.

Фея хмыкнула, раздраженно дернула крыльями, но просьбу выполнила. Развинченным движением профессиональной танцовщицы, она сначала круто качнула бедрами, затем последовала гибкая спина, и закончила поворот будто лаковая, черноволосая головка. Один раз, другой и третий, ее платье, словно огненный язык, лизнуло воздух, и руки с плавной, изящной грацией раскинулись, как крылья бабочки.

- Вот теперь я точно ничего не знаю. Итак, пусть тот, кто слева от меня...

Генри приосанился и поправил шейный платок.

-... Поцелует того, кто справа от меня.

Бокальчик из-под мандаринового ликера выпал из ослабевшей руки Гордона. Гоблин тоже вздрогнул и попятился.

- А я говорил! – возликовал ворон. – Вот я бы никогда не дал такое бесполезное и легкомысленное задание. Лучше я буду зеркалом.

- Согласен! – в унисон завопили гоблин и тролль.

Гоблин сглотнул и покосился на тролля, который торопливо покинул удобное кресло и теперь безуспешно пытался спрятать свое мощное, крупное тело за камином.

- Итак, Генри, - Ричард приосанился и задрал клюв к потолку. – Я прочитаю тебе краткий курс, посвященный проблемам конкурсного производства.

Генри встал, поправил сюртук. Лицо его стало суровым, взгляд преисполнился решимости.

- Гордон, - негромко позвал он, - прости, дружище, но лучше я тебя поцелую.

Клаус минут пять наслаждался эффектным и необыкновенным зрелищем – когда еще увидишь могучего лесного тролля, спасающегося бегством от миниатюрного, щуплого гоблина. Даже разбитой ониксовой вазы и опрокинутого комода не жаль было. Но он смилостивился и на правах хозяина отменил игру в фанты. Потом все пили какао с имбирным печеньем и рождественским пудингом, который внесли в полной темноте и подожгли. Пропитанный ароматным бренди, пудинг вспыхнул и несколько секунд напоминал удивительный синий костер. Пудинг разрезали на куски, и каждому достался маленький сюрприз.

- О, у меня монетка! – Клаус со счастливой улыбкой продемонстрировал серебряную монетку, которую осторожно вынул из своего куска. – Значит, грядущий год станет финансово удачным!

- Ну хоть сегодня можно о работе не думать? – раздосадованно прошептала Молли.

- Так, ну, Гордон, нашел уже свою пуговицу или проглотил как обычно? – подмигнула троллю Люси.

Пуговица эта стала постоянным предметом шуток. Она с завидным упорством доставалась Гордону каждую рождественскую ночь, знаменуя, что и в этом году он останется холостяком. Тролль каждый раз облегченно вздыхал и бережно клал ее в карман, а острая на язычок Люси однажды заметила, что пуговиц уже вполне хватит на приличное пальто.

- Не понял. А чё это?

Гордон озадачено рассматривал простое серебряное кольцо, которое только что извлек из своего пудинга. Друзья пригляделись и так и покатались со смеху. После минуты размышлений тролль наконец осознал, что символизирует это маленькое украшение. Он поспешно бросил кольцо, так, будто оно жгло ему пальцы. И смотрел на него, как на ядовитое насекомое. Маленькая фея согнулась от смеха и прислонилась к сахарнице, а вот Молли нахмурилась.

- Ну зачем ты так, Гордон. Любовь и брак – это прекрасно. Вот женишься и узнаешь, что такое счастье...

- Да поздно будет! – шепнул Генри Клаусу. Оба взглянули на рассерженную Молли и изо всех сил попытались сделать лица серьезными.

За окнами появились первые розовые всполохи, окрасившие ледяные рога Короны севера. Небо было еще темно, но над сумрачным океаном леса стало похоже на прозрачную вуаль, окрашенную блестками звезд. Рождественская ночь кончилась.

- Ну что, Клаус, дружище? Отмучились? Подарки розданы, и дети целы, и олени сыты. Можно уходить в заслуженный отпуск аж до осени.

Гоблин улыбался, но его умные, желтые, как у кошки, глаза пристально следили за выражением лица Клауса. Клаус молчал, рассеянно ероша короткие черные волосы. Да, все закончено. Теперь до сентября его ждут спокойные, тихие дни в обществе любимой жены и друзей. Книжки, крепкий кофе с корицей, прогулки в тени исполинских елей Северного леса, пикники на берегу Туманного озера. Никаких больше бессонных ночей в офисе, проблем на заводе игрушек, переговоров и споров с поставщиками... Ужасно. Его передернуло. Наверное, что-то подобное испытывает вкусившая крови охотничья собака, когда хозяйские дети повязывают ей бантики и принуждают катать на спине кукол. Долгие месяцы бездействия!

- Не очень хочется, - вырвалось у него.

- Так зачем же тогда меч в землю втыкать?

Голос гоблина стал вкрадчивым.

- Ну а что делать? Новогодние игрушки нужны только под новый год!

- Так то новогодние...

Гоблин как бы в раздумье уставился на пляшущее пламя в камине. Он молчал, Клауса не торопил. Знал по себе, семени соблазна нужно дать время. Пусть прорастет, взойдет... На весьма благодатной почве.

Клаус поднял на него недоверчивый взгляд.

- Не предлагаешь же ты...

- Запустить производство игрушек вообще, а не только рождественских, выйти за пределы рынка нашего убого... великого королевства, я хотел сказать. Чем существенно расширить бизнес и увеличить капиталы? Да, предлагаю.

У Клауса вид был примерно, как у почтенного мужа, которого пытается обольстить нескромная красотка. Нескромная, но весьма соблазнительная.

- Ты пойми, дружище, - гоблин понизил голос до вкрадчивого шепота, – ну где в нашем королевстве нормальный рынок сбыта? Кого тут удивить, к примеру, игрушками из левиса?

Над столом лениво кружили маленькие дирижабли. Корпуса из огненно-красной бумаги делали их похожими на китайские фонарики, внутри которых теплым золотом мерцали огоньки. Их гондолы из серебристого левиса парили безо всякой технической помощи, ведь этот удивительный металл легче воздуха. А вот управляли ими маленькие механические летчики. Толерантный Клаус позаботился о выпуске разнообразных моделей, чтобы не обидеть ни одну из рас королевства. И капитаном дирижабля, первым увидевшим поднятую руку Генри, был тролль. Он немедленно отсалютовал, набрал скорость, едва не врезался в низко висевшую над столом люстру и посадил свой воздушный корабль точно между кофейными чашками Генри и Клауса. Любезно улыбаясь клыкастым ртом, тролль продемонстрировал свои богатства – на борту дирижабля были аккуратно расставлены бочонки с корицей, солью, перцем, сахарной пудрой... Гоблин поколебался, взял бочонок с тертым шоколадом, щедро посыпал свой кофе.

- Вот именно, - вздохнул он, жестом отпуская дирижабль. – Обычные столовые приборы. В каждом доме есть, ну наша фабрика «Клаус и К» делает их чуть красивее и качественнее, чем эти неудачники Данвелл и Бренкс. Четыреста лет фирме, уж можно научиться делать бытовую технику. Так нет! На днях купил их «интеллектуальный будильник». Эта дрянь учитывает психологию хозяина. Так мало того, что их поганый будильник разбудил меня на три часа позже, так он еще заорал мне в ухо «Пожар!!!».

- Зато ты сразу проснулся, - улыбнулся Клаус.

- Это да. Но к сожалению, кроме этого я вылетел в гостиную лохматый, голый, зато с ведром воды. Ну, пожар тушить. А уже ж полдень, у папы гости. Чаепитие, понимаешь.

- Леди? – Чтобы не расхохотаться и тем не обидеть друга и коллегу, Клаус попытался представить что-нибудь ужасное. Представил Генри, в неглиже и с вышеназванным ведром. Помогло.

- Именно, леди. Старые дуры, все шатаются к папе на воскресный чай, женить его надеются. Как же, завидный жених – состоятельный вдовец, уважаемый юрист, из недостатков только коллекционирование бабочек да наличие пройдохи сына. Это я про себя, - уточнил гоблин.

Мог не уточнять, характер и методы работы своего личного юриста Клаус прекрасно знал по опыту. Горькому, разумеется.

- Гляди, как бы за тобой теперь ухаживать не начали.

Генри поежился, видимо, вспоминая папиных «невест».

- Однако я к чему. Для нас это обычные вещички, а в большом мире, может, такого и нет. Конкуренции тогда не будет, загребем деньжищ... И порадуем детей, конечно, – быстро поправился гоблин, заметив суровый взгляд Клауса. Возвышенный романтик, что с него взять. Генри посмотрел на начальника почти с отеческой нежностью.

Оба, не сговариваясь, подошли к окну. Ветер стих, и снег повалил крупными, пушистыми хлопьями. Дом стоял почти на обрыве, и частокол высоких елей расступался впереди, открывая великолепную панораму Северных гор. Их ледяные вершины искрились розовым на фоне ночного неба. Там, за их хребтами Большой мир, Шотландия. Миллионы людей, ленты дорог, города, машины... Страшный, неизведанный, таинственный мир.

- Не знаю... Мы еще старый кредит не полностью погасили. Предпринимательский риск огромный, идея у тебя отличная, но у меня еще старый кредит не погашен. Прогорим – что

тогда? Мистер Джаспер, конечно, приличный гном, ко мне неплохо относится. Но он в первую очередь банкир – пойдет что не так, и мы банкроты.

- Так ведь кредит рефинансировать можно.

Клаус криво ухмыльнулся.

- Это изящное слово, очевидно, означает «вляпаться в новые долги, для покрытия старых»?

- Не совсем.

Гоблин откашлялся и начал хорошо поставленным голосом, каким пользуются ярмарочные жулики, менеджеры по продажам биодобавок и политики.

- Рефинансировать кредит можно на более выгодных условиях, чем были при заключении...

Клаус прервал его властным жестом.

- Слышать не хочу о «более выгодных условиях». Жена тут, вдохновленная этой рекламной фразой, новый стиральный порошок купила. «Белоснежка» называется. Рекламный ход неплохой, если тебе нужно обстирывать семь грязных мужиков, которые день проводят в шахте, а вечер в пабе, разумеется, стиральный порошок должен быть мощный. Слоган у них ««Белоснежка» сделает ваше белье безупречно белым. Выгодные условия – наш порошок вдвое дешевле обычного порошка». Ну, Молли и купила.

- И что? Он не делает белье безупречно белым? – участливо поинтересовался гоблин.

Взгляд его был полон сострадания, как у тяжелобольного, который спрашивает у другого тяжелобольного о симптомах. Рана в сердце, оставленная интеллектуальным будильником, была еще свежа.

- Делает, - признал честный Клаус. – Независимо от того, какого цвета оно было до стирки. Полюбуйся на мои любимые красные портьеры с рождественским орнаментом.

- Это вот те, белые, у стола?

- Они.

Почтили минутой молчания гибель красных портьер, после Клаус решительно отхлебнул остывший кофе.

- Рискнем. Наведаюсь завтра в «Джаспер банк», переговорю с мистером Джаспером.

*

Банковский день уже закончился, но это означало лишь то, что пробило шесть и сотрудница банка, мисс Боунс, с наслаждением и совершенно законно захлопнула дверь прямо перед носом опоздавшего клиента, здорового пещерного тролля. Слава Великому Баллиану, да пребудет с нами сила его топора, на сегодня с клиентами все. Ноги, втиснутые в модные остроносые туфли, болели ужасно. Пояс юбки немилосердно врезался в талию, наверное, не нужно было покупать обновку на размер меньше, но это стимул похудеть к лету. А до конца рабочего дня еще так далеко! Столько еще операций предстоит сделать под бдительным оком зловредного начальника. Кстати, где он? Боунс с удивлением обнаружила, что впервые за пять лет своей работы в «Джаспер банке» она не видит в зале мистера

Джаспера. Обычно босс появлялся в зале по окончании банковского дня с неотвратимостью моровой язвы. И все проверял, ко всем придирался, так что, когда начальник службы безопасности банка дал кличку «Мистер Джаспер» местному бродячему коту, половина сотрудников банка были замечены в попытках совершить насилие над бедным животным. Что много говорило о характере и авторитете банкира. Боунс еще раз с удивлением огляделась. Мистер Джаспер всегда был на работе в это время! Всегда, но не сегодня.

А мистери Джасперу было не до того. Он сидел на маленькой, уютной кухне, располагавшейся в жилой части дома, этажом выше банка. Кружевные занавески эльфийской работы скрывали от глаз неуютный зимний вечер, лампа под витражным абажуром лила теплый, разноцветный свет на накрытый к ужину стол, но ничто не радовало банкира. Прямо перед ним рагу из кролика с розмарином источало пленительный аромат и безнадежно остывало, но прикоснуться он не смел. Он внимал миссис Джаспер. Хотя скорее предпочел бы оказаться перед стаей голодных тигров, на тонущем корабле, осаждаемом пиратами, в знойной пустыне, окруженный кобрами. Даже в налоговой инспекции. Но только не перед женой, когда она не в духе. Миссис Джаспер, обычно милейшая и обаятельная женщина, сейчас напоминала разъяренного кенийского буйвола. Когда она на секунду сделала паузу, чтобы набрать в легкие побольше воздуха, мистер Джаспер не упустил свой единственный шанс.

- Сарочка, радость моя, пожалуйста, кричи потише. Ты так вопишь, что я уже полчаса не могу понять, в чем именно ты абсолютно права!

Мистер Джаспер был бизнесменом старой закалки. Поднялся он в лихие пятидесятые, когда в королевстве была беспокойная обстановка. Сменилась королевская династия, а с ней и многие законы, что открыло большой простор для творчества. В том числе и финансового. Пройдя огонь, воду и медные трубы, он уже ничего не боялся. Ни полиции, ни чиновников, ни богов, ни демонов. Но вот жена... Он робко протянул сухую, узловатую руку к вилке и тут же отдернул под грозным взглядом супруги.

- Дэвид, я еще не все сказала!

- Да, любовь моя.

- Так вот, мужчины бывают двух типов. Которые могут починить кофеварку, - миссис Джаспер грозно ткнула кнопку на медной кофеварке так, словно кнопка была виновницей всех ее бед, - и которые могут за это заплатить. Так я интересуюсь - почему ты ни то, ни другое не можешь?!

- Я пытался... - начал робко оправдываться банкир. - и, кошечка моя, там у меня люди из банка-корреспондента пришли. Ждут же... Может я... ? - он снова бросил тоскливый взгляд на рагу и сглотнул слюну.

Кофеварка вздрогнула, издала тоненький свист. Медная зеленоглазая змейка ожила, наклонила чешуйчатую голову над чашкой, и из нее полился крепкий, горячий кофе. Мистер Джаспер тоже вздрогнул и расцвел, как осенняя хризантема.

- Так работает же!

- Это потому, что я отдала ее в ремонтное ателье «МастерОК», - снизошла до объяснений миссис Джаспер. И зловеще понизив голос добавила: - А у них самые высокие цены в городе.

- Так почему же, любовь моя...?

- Реклама понравилась. «Мы чиним даже то, что уже починил ваш муж».

Мистер Джаспер возмутился настолько, что даже решился похитить огуречный сэндвич с тарелки. А миссис Джаспер продолжала. Очевидно, от сильного волнения, чепчик у нее сбился на бок, торчавший из кухонного фартука здоровенный нож придавал ей сходство с морским корсаром. И бедный банкир почти слышал крики чаек, плеск волн за бортом и скрип веревки на своей шее. Болтаться ему сейчас на рее...

- Я вышла за тебя замуж по любви! И что я получила?!

Банкир встрепенулся. Простые и понятные вопросы он любил. Устремив задумчивый взгляд в потолок, мистер Джаспер принялся загибать пальцы.

- Так, ну берилловое ожерелье с тремя изумрудами я подарил тебе на свадьбе, потом знаменитые русские соболя на твой юбилей, теперь ты великолепную пару лошадей, кстати, радость моя, тебе все равно особо некуда выезжать, может продадим? Ну, и сын...

Миссис Джаспер улыбнулась и стала чуть менее похожа на капитана пиратского брига. Единственный сын был любимцем и гордостью обоих супругов.

- Мои гены! – в очередной раз похвалился мистер Джаспер. – И мое воспитание! Помню, был день рождения, Эдди как раз пять лет стукнуло. Подходит он ко мне с тарелочкой, жалобно так смотрит и просит: «Папочка, купи тортик!» А я ему: «Нет, Эдди».

- Ты всегда был с ним слишком строг! – всхлипнула миссис Джаспер.

- Ничего, у будущего банкира должны быть стальные... Гм. Нервы. Он потом и к твоему отцу подходил, и к дядьям... И продал в итоге этот свой тортик моей тетке по материнской линии!

Счастливым смех в кухне нарушил робкий голос секретаря. В дверях переминалась с ноги на ногу молоденькая девушка крайне непривлекательной наружности. Последний этап собеседования приближенный к банкиру персонал проходил у миссис Джаспер. И по загадочной причине все хоть сколько-нибудь симпатичные лица женского пола ею отсеивались.

- Мистер Джаспер, простите. Я знаю, рабочий день окончен, но к Вам посетители. Передать, что Вы не сможете сегодня их принять?

Недоеденный сэндвич полетел на стол, рагу было забыто. Воистину само провидение пришло на помощь банкиру в тот миг, когда он погрузился в пучину отчаяния и безысходности. Ибо семейный разговор грозил затянуться надолго.

- Приму, конечно приму! – он рысью припустил из кухни, напоследок бросив растерявшейся жене: - Прости, любовь моя. Работа!

*

Посетителей банкир узнал сразу. Высокий, широкоплечий Клаус был на голову выше своего щуплого, зеленокожего спутника.

- Мистер Клаус! Мистер Рок! Как же я рад вас видеть! Прошу, за мной. Устроимся и побеседуем в моем кабинете.

Клаус и Генри переглянулись. Такого радушного приема от желчного банкира, обожавшего нагнать страху на посетителей, они не ожидали. Тем более что опоздали – гоблин

наотрез отказался лететь на оленях, и пришлось четыре часа трястись верхом по разбитой дороге. Ямы, колдобины, огромные лужи, затянутые скользким льдом, - вот неполный список прелестей Главного северного тракта. Попали в две пробки. Первая возникла по вине крупного дракона, который сидел прямо по центру тракта и меланхолично жевал лесоруба. Профессию жертвы Клаус опознал по металлической броне и шлему, такие носят лесорубы, работающие в Туманных горах. Местные леса полны лургов, некрупных, но опасных хищников, похожих одновременно и на летучую мышь, и обезьяну. От их острых зубов стальная кираса и шлем, конечно, помогут, но вот для Обсидианового длиннокрылого они как фольга. Полицейские оцепили место происшествия желтыми лентами и терпеливо объясняли группе негодующих гномов, что это надолго, потому как лесоруб был пойман в доспехах, выковыривать его оттуда трудно, а потому жевать долго. А «пристрелить проклятую зверюгу» никак нельзя, потому что Обсидиановые длиннокрылые драконы - вид вымирающий, находятся под защитой государства. Ну а лесорубы – кто их считает? Рядом метался нервный зоолог в очках, шикал на публику и умолял не пугать и не беспокоить животное. Данный вид драконов обладает нежной нервной системой и подвержен стрессам. Что ведет к проблемам с пищеварением.

Вторая пробка даже немного порадовала измученного тяжелой дорогой Клауса. Роскошный, хотя излишне позолоченный экипаж съехал с дороги и теперь беспомощно лежал на боку в придорожной канаве. Судя по королевскому гербу и странноватому символу – перекрещенные лопата и кирка, принадлежала карета не кому-нибудь, а самому министру путей сообщения. Пострадавшие стояли рядом, в грязи и в самом дурном расположении духа, и орали друг на друга в следующем порядке: министр орал на своего помощника, помощник на кучера, а кучер на рабочего, безуспешно пытавшегося вытащить лошадей из канавы. Только лошади хранили олимпийское спокойствие. Видимо, привыкли.

- Правильно, - одобрил Генри, - украсть деньги на строительстве дорог, купить на них дорожную карету и разбить ее на плохих дорогах. Очень логично.

Радость прибытия к «Джаспер банку» омрачалась мыслью об обратном пути. Кожаный плащ Клауса покрылся пылью и грязью, гоблину, ехавшему не на высоком олене, а на ослике, досталось еще больше. Тем более приятно было утопить измученное тело в мягких, хотя и затертых креслах. Сегодня на Клауса даже обстановка кабинета банкира не произвела впечатления. Обычно его угнетала темная, угрюмая комната, где высокий потолок терялся во мраке, а со стен на него сурово взирали предыдущие владельцы этого банка. Все как один похожи на мистера Джаспера – отец, дед, прадед.

- Ну, джентльмены, как ваш бизнес? Надеюсь, процветает?

Мистер Джаспер был сама любезность.

- Ой, да какое там! – неожиданно для Клауса запричитал гоблин. – Честных людей становится все меньше и меньше... Скоро и обманывать некого будет!

Мистер Джаспер вытаращил глаза.

- Да шучу я! - Генри расхохотался и фамильярно хлопнул по плечу онемевшего банкира. – Неплохо у нас все. Даже расширяться хотим.

Выслушав друзей, мистер Джаспер задумчиво почесал подбородок. Он откинулся в кресле и закурил свою любимую трубку. Очень скоро комната наполнилась зловонным черным дымом, Клаус закашлялся. Единственным плюсом этого действия было то, что зловещие клубы дыма поглотили и портреты, и самого мистера Джаспера.

- Но, если вы хотите торговать с большим миром, вам придется открывать валютный счет. В Шотландии, к примеру, вы не сможете поменять золотые в обменном пункте. А для меня эти операции связаны с серьезным валютным риском.

- Да ладно вам, - улыбнулся Клаус. – Фунт стерлингов, конечно, валюта молодая, ей всего девятьсот лет, но вполне надежная.

- Фунт стерлингов? Название смешное, - фыркнул гоблин.

- Буквально означает «фунт чистого серебра». Двести сорок монет чеканились из одного фунта серебра, эталон «Tower round» хранился в королевском монетном дворе в Тауэре. Состоял из 5400 гранов, это 350 граммов, – быстро выдал профессиональную справку банкир.

Старая английская поговорка утверждает, что об истинной цели своего визита пациент сообщает врачу у двери, собираясь уходить. Что ж, старая английская поговорка права.

- Ну и нам, очевидно, придется еще один кредит брать, –словно бы невзначай обронил гоблин, когда невкусный жиденький чай был выпит, а они узнали о связанных с бизнесом рисках гораздо больше, чем хотели.

- Да я уж понял.

Мистер Джаспер задумался. Конечно, он должен выдать своему хорошему другу и деловому партнеру так называемый бланковый договор. Безо всякого обеспечения и поручительства. Старинная традиция, оставшаяся с тех времен, когда сделки заключались рукопожатием и соблюдались неукоснительно. Ведь гарантом была не бумага, а увесистый двуручный топор в руках обиженного делового партнера. И потом. Разве не верит он в честность и деловую хватку мистера Клауса? К тому же подарить радость детям, разве не священно детство? Усилием воли мистер Джаспер подавил нелепые благородные порывы.

- А нет ли у вас, джентльмены, богатого друга, который мог бы заключить со мной договор поручительства?

Клаус и Генри переглянулись.

- Вообще-то есть, - медленно произнес Генри.

*

Наскоро попрощавшись с мистером Джаспером и Генри, Клаус поспешил на парковку. Его олень Рудольф и ослик Генри стояли там в гордом одиночестве.

- Генри? – спросил Рудольф.

Как всякий уважающий себя и очень гордый олень, Рудольф был немногословен. Например, этот его лаконичный вопрос на самом деле означал: «Судя по тому, что я не вижу рядом с тобой твоего трусливого друга, страдающего тяжелой степенью аэрофобии, мы можем не тащиться домой по пробкам, а полететь?»

- Да, Руди. Генри поедет домой, а мы с тобой должны еще встретиться с одним моим другом по важному делу. Но мы отправляемся в очень опасное место. За Волчьей топью ...

- Плевать, – прервал долгий и обстоятельный рассказ хозяина Рудольф. – Полетели.

Мощные копыта спружинили о землю, пахнувший лесом воздух наполнил легкие, и Клаус подставил лицо холодному ветру. Свобода! Внизу остались пробки, банк и ослик, проводивший их взглядом, полным жгучей зависти.

День клонился к закату. Заходящее солнце еще обливало расплавленным золотом вершины Ледяной короны, но у ее подножия уже собиралась тьма. Бескрайние ельники Северного леса казались темным океаном, из которого островками выглядывали древние и современные замки. Только по ним и можно было как-то ориентироваться, да еще по горной цепи. Клаус заметил, что они немного отклонились от курса – Рудольф бывал здесь не часто. И не удивительно. Эту часть леса называли «темной». Здесь много веков скрипели на холодном ветру деревья Мертвого леса, здесь по ночам над трясинной Волчьей топи скользили безликие призраки, а в чащах жили жуткие твари, не выносившие солнечного света. Большинство замков тут были заброшены и населены нежитью, а вместо птиц в небе скользили нетопыри. А еще здесь жил тот, кого Клаус считал лучшим другом.

Еще пару миль, и, насколько хватало глаз, перед ними раскинулась Волчья топь. На первый взгляд болото было даже красивым. Вода сверкала, как цветные стеклышки среди изумрудного мха, покрывавшего кочки. Белые и лиловые орхидеи покачивали своими будто восковыми головками. Но под зеленым кружевом ряски то здесь, то там покачивались, как в колыбели, мертвецы. Клаусу сверху хорошо были видны их гипсово-белые тела, лица, смотрящие в небо невидящими глазами. А дальше начинался Мертвый лес. Ни листа, ни травинки, только черные обгорелые стволы вонзают в небо узловатые ветви. А проскользнет через чащу ветер, только пепел поднимется вихрями от земли и смешается с туманом.

Заметив башни замка Даллингем, Рудольф приободрился и заспешил. Не прошло и пяти минут, как олени копыта звонко застучали по подъездной дорожке. Клаус спешил и огляделся. Солнце как раз скрылось за горами, и в потемневшем небе задрожали первые бледные звезды. Сад дышал ночным покоем, над прудом порхали маленькие лимнады – феи озер. Их крохотные голубоватые тела ныряли в ледяную воду и тут же взлетали вверх, поднимая фонтанчики брызг. пышные кусты зимних роз источали сладкий, пьянящий аромат, а в покрытой инеем траве мерцали звездочки снежников – стойких цветов, что цветут в январе. Будто зажженные невидимой рукой, вспыхнули огоньки за розовыми стеклами фонарей, на их земляничный свет слетелись ночные бабочки. Клаус так залюбовался этой мирной, уютной картиной, что не заметил, как за кустами барбариса промелькнула чья-то тень. А вот Рудольф что-то почувствовал. Его уши мелко задрожали, он всхрапнул и попятился.

Замок был темным и мрачным. Только в западной башне горело маленькое окошко. И чистый девичий голосок пел:

*В лесу у башни старинной
Там, где цветет левкой,
Весеннею ночью длинной
Я повстречалась с тобой.*

*Но я лишь дочь дровосека,
Править тебе суждено.
И до скончания века
Вместе нам быть не дано.*

*Оставьте, король великий,
Меня в этот поздний час.
Этот цветочек дикий
Расцвел в глуши не для вас.*

*Вам пиры и битвы,
Балы и улыбки принцесс.
Мне труды и молитвы,
Пение птиц и лес.*

*Но сладкую горсть земляники
Он мне, смеясь, протянул...*

Клаусу голос показался странно знакомым. А тень за кустами подобралась ближе, пригнулась, готовясь к прыжку. Рудольфа затрясло, он боязливо прижался к Клаусу, зашептал:

- Хозяин, хозяин! Опасно!

В сгущающейся тьме загорелись ледяные огоньки глаз, вертикальные зрачки рассекали их пополам. Но Клаус только отмахнулся.

- Руди, не до твоих глупостей. Я где-то слышал...

Договорить он не успел. Громадный черный зверь ринулся из темноты, щелкнули острые клыки, когти порвали землю, и во все стороны брызнул влажный мох. Клаус отшатнулся, и за его спиной сверкнул вихрь снежной метели, такой яркий на фоне зелени. А вот полненький, неповоротливый олень отскочить не успел. Он покатился кубарем, ломая красиво стриженные кусты самшита. Клаус едва устоял на ногах, развернулся, готовый встретить врага лицом к лицу, и увидел прямо перед собой чудовищную морду волка. В жутких глазах горел синий огонь, из глотки раздавался грозный рык. Исполинский зверь поднялся на задние лапы и вскинул передние, с длинными, острыми когтями.

- Ланселот! Ну напугал, темная мать тебя возьми!

- Вот уж не знаю, темными или светлыми меня теперь пугать, – прорычал волк и заключил Клауса в свои объятия.

Клаус хлопнул друга по плечу.

- Давай, приводи себя в порядок, а то Рудольф близок к инфаркту. Ты зачем так напугал бедолагу?

- Прошу прощения, – волк церемонно наклонил мохнатую голову, и олень, слабо вздохнув, закатил лиловые глаза и упал на бок. – Не хотел тебя пугать, Руди. Но это так забавно!

Он встряхнулся, опустил плечи и замер. И тут же черная шерсть начала втягиваться под кожу, острые уши опустились ниже, исчезли длинные клыки. Минута – и перед Клаусом и бесчувственным Рудольфом стоял высокий, мощный мужчина. Синие, чуть насмешливые глаза, благородно очерченные скулы, добродушная улыбка. Его можно было бы назвать настоящим красавцем, если бы не четыре глубоких, рваных шрама, рассекавших все его лицо.

- Прошу вас, пройдем в дом, сегодня беспокойная ночь. Скоро придет туман, а вместе с ним и кое-что похуже. Я вас почуял издали, вышел встретить.

- На тебе одежды нет, - констатировал Клаус, озадаченно наблюдая, как Ланселот без усилий забросил на плечи бездыханное тело Рудольфа.

- Ну да. Мы же не в сказке, где на оборотне загадочным образом возникают штаны после превращения. На такую магию и высшие эльфы не способны.

Болтая и смеясь, друзья вошли в замок. Клаус был озадачен. Ланселот весел? Дурачится и улыбается? За два года их знакомства он привык, что его друг пребывает в двух настроениях – серьезном и печальном. А любые перемены, даже к лучшему, как-то пугают. Ланселот меж тем бережно положил Рудольфа у камина. Жарко горел огонь, вдоль стен стояли рыцарские доспехи, в которые предки Ланселота имели обыкновение облачаться, чтобы выяснить отношения с соседями. Клаус заметил, что стол готовили к ужину на двоих, но полностью накрыть не успели. Уже стояли позеленевшие от времени канделябры, лежали вышитые вензелем Л М салфетки, стояли две вазы с фруктами. Клаус удивился. После ужасной гибели своей невесты Лили Ланселот многие годы вел отшельнический образ жизни. Не то что женщины, у него вообще гостей не бывало.

- Я, наверное, не вовремя? – поинтересовался Клаус, пока его друг облачался в соседней комнате.

- Что ты, все в порядке, - отозвался Ланселот тем тоном, которым лживо успокаивают незваных гостей. – Что-то случилось?

Вернулся он в элегантном костюме, на ходу завязывая шейный платок. Клаус задумчиво наблюдал, как ловкие, сильные пальцы за несколько секунд сделали безупречный узел, и думал, что ему самому на такое понадобилось бы минут десять. У зеркала. Да и то вряд ли получилось бы так же хорошо. Все, чего касались руки Ланселота, получалось идеальным. Потому и все механические вещи, которые создавал этот талантливый инженер, были безупречны. Клаус глубоко вздохнул. Тянуть не стоит. Похоже, его друг не один и по непонятной причине не хочет знакомить со своей гостьей.

- Видишь ли, мы тут решили выходить с бизнесом в Большой мир. Только видишь ли, Ланс, там не очень привыкли к левису и механизмам, так что... Не мог бы ты сделать, ну, простенькие такие игрушки и всякие полезные мелочи? Правда, ты не был в Большом мире, так что даже не знаю, справишься ли ты...

Стрела попала точно в цель. Ланселот оскорбленно хмыкнул, как хмыкает профессор математики, когда его внук первоклассник выражает сомнение, сможет ли дедушка помочь с домашним заданием.

- Справлюсь, не сомневайся. Я понял. Простые, красивые вещи, полезные...

- Не слишком полезные, ладно? Люди не привыкли к домашним туфлям, которые можно позвать, вместо того, чтобы искать, или к точилке, которая сама точит по ночам карандаши.

- Не привыкли? Как же они, в таком случае...?

- Как-то справляются.

И тут из соседней комнаты раздался быстрый перестук каблучков, и звонкий женский голос позвал:

- Ланселот! Ну где ты?

Стены старых замков искажают звуки. Вздохи ветра в каминных трубах, шепот гобеленов, которых сквозняки заставляют трепетать, касаясь каменной кладки, скрип старой мебели. Все эти звуки, да еще эхо, парящее под сумрачными сводами, не дают узнать даже знакомые голоса. Но в том, что этот женский голос ему хорошо знаком, Клаус ни минуты не сомневался.

Ланселот нервно оглянулся и неожиданно заорал, да так громко, что Клаус едва не подпрыгнул от неожиданности:

- Конечно, Джонатан. Сделаю пробную партию и обсудим.

Шаги в соседней комнате мгновенно смолкли.

- Тут еще кое-что, - начал Клаус и смущенно умолк. Ланселот терпеливо ждал. – Видишь ли... Нам потребуются немалые денежные средства на новый бизнес. Я, признаюсь, здорово увлекся благотворительностью, ну и... Мистер Джаспер сделал расчет показателя долговой нагрузки...

- И он считает, что долговая нагрузка у тебя великовата, – кивнул Ланселот. – И этот...

Как говорят эльфы, «благородную кровь в карты не проиграешь». Ланселот не дал вертевшемуся на языке определению «старый жлоб» сорваться. Он выразился более элегантно, но менее точно.

- Этот чрезвычайно практичный и осторожный человек отказал тебе в новом кредите. Ясно. Сколько денег тебе нужно?

- Десять тысяч золотых, – пробормотал Клаус, глядя, как Ланселот подошел к бюро и достал чернильницу и чековую книжку.

- Не проблема.

- Да?!

- Ты же не думаешь, что я живу на зарплату, которую ты мне платишь? У меня чуть больше тридцати патентов на изобретения, хотя бы почтовые дирижабли, которыми пользоваться куда удобнее, чем птицами.

- Авторское вознаграждение, - кивнул Клаус. – Понятно. Но я не могу так пользоваться твоей добротой.

- Глупости.

- Нет, Ланс, серьезно. Это большая сумма, так что... – Клаус полез в портфель за бумагами.

У Ланселота округлились глаза.

- Это что, договор займа? Ты чего, я же твой друг. Может, еще штрафные санкции обсудим, если не вернешь?

- Это договор поручительства. Наш практичный и осторожный мистер Джаспер всучил. Я сам со всеми долгами разберусь, ты только выступи поручителем, ладно?

- Ну и глупо. Если я тебе займу – рискую только своими деньгами. А выступая поручителем, еще и процентами банку.

- Ланс. Ты правда думаешь, что рискуешь?

Несколько секунд друзья смотрели в глаза друг другу. Потом Ланселот выдернул из руки Клауса договор и размашисто подписал, не читая.

- Спасибо. Я, пожалуй, пойду. – Клаус осторожно взял договор, будто боялся обжечься, и торопливо застегнул портфель.

Подошел к Рудольфу, который так и лежал без признаков жизни на коврике у камина. Погладил мохнатую шею, подергал пушистое ухо. Никакой реакции.

- Руди, вставай. Хотя, наверное, стоило бы оставить тебя здесь в качестве залога.

Бездыханное тело немедленно ожило.

- У миссис Джаспер в залог согласен. У оборотня – нет. Опасно.

- Как раз у миссис Джаспер опасно, – ухмыльнулся Клаус. - Умрешь от апоплексического удара, – и, видя непонимание в глазах Ланселота, пояснил: - Я Рудольфа пару лет назад у Джасперов оставлял в качестве залога. Так Руди так отожрался на пирогах миссис Джаспер...

- Волшебных пирогах, - уточнил Рудольф, блаженно закатив глаза.

- Хорошо. На волшебных пирогах миссис Джаспер он отъелся так, что на ноги встать не мог.

- Копыта, – уточнил педантичный Рудольф.

- Что?!

- Не на ноги. На копыта. Понял, встаю!

Шерсть оленя неожиданно покрылась инеем и заледенела. Затянуло корочкой льда и модные серебряные браслеты на ногах, которые Рудольф выклянчил в качестве подарка к Рождеству. Испуганно косясь на рассерженного хозяина, Рудольф поспешно поднялся с теплой лежанки и поспешил к двери. Клаус, пряча улыбку, пошел за ним. Ланселот махнул им рукой на прощание, закрыл дверь и почти бегом поднялся по винтовой лестнице в комнату тремя этажами выше. Там было совершенно темно, так что девушка, сидевшая на подоконнике, казалась силуэтом театра теней на фоне ночного неба.

- Он ушел. – Ланселот расслабленно потянулся всем своим мощным телом и оперся о косяк двери.

- Да? – она нервно облизнула пересохшие губы. – Зачем он приезжал? Сюда, ночью...

Девушка в волнении поднялась. Встала во весь рост на подоконнике, глядя в беспокойные, темные небеса. Отсюда, с вершины башни, открывался величественный вид. Внизу под порывами крепчавшего ветра плескался темными изумрудными волнами лес, а на западе, над Одинокой горой вихрями собирались грозовые тучи. Девушка распахнула створки окна и обернулась.

- Мне не следовало сегодня к тебе приходить. Мне вообще не следовало...

- Стой, нет! – Ланселот рванулся к ней, но опоздал.

Она спрыгнула вниз.